

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭПОС ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ: ПРОБЛЕМА ЖАНРА

Л.В.Коровина

Нижегородский государственный педагогический университет, luba-buba@mail.ru

Рассматриваются художественные особенности жанра исторического повествования. В центре внимания — произведения русских писателей XVIII — XIX вв., написанные в разные периоды наивысшей популярности жанра. Особое внимание уделено творчеству А.С.Пушкина и Н.В.Гоголя, которые явились основоположниками исторического эпоса в русской классической литературе.

Ключевые слова: *русский исторический эпос, документальность, структурная основа, основоположники жанра, эволюция*

The artistic features of the historical epos genre are discussed in this article. The books of Russian writers of the XVIII — XIX centuries, which were written at that time, when this genre was very popular are focused on. The main focus of the article is the creativity work by A.S. Pushkin and N.V. Gogol, as they were the founders of the historical epos genre in Russian literature.

Keywords: *Russian historical epos, documentary, structural basis, the founders of the genre, evolution*

В последнее время отечественная история привлекает не только ученых-историков, но и писателей, а вместе с ними и литературоведов. Поэтому важно понять: существует ли, при всех многочисленных вариациях, устойчивая структурная основа, на которой и базируется жанр исторического повествования. Для этого необходимо выявить основные черты исторического эпоса, т. е. соотнести друг с другом конкретные разновидности жанра в творчестве многих авторов разных эпох. Методика такого исследования предполагает анализ тех произведений, которые находились и находятся в центре общественного внимания. При этом главным образом учитываются три аспекта изучаемых художественных текстов:

- 1) композиционно-речевые формы и система разнообразных точек зрения;
- 2) сюжетная организация (построение сюжета, пространственно-временная структура);
- 3) система персонажей (соотношение главных и второстепенных героев, их основные функции).

Предметом исследования являются исторические повести и романы известных российских авторов, написанные в разные исторические периоды, когда упомянутый жанр пользовался наивысшей популярностью, потому как именно вершинные явления литературы полностью раскрывают художественные возможности жанра. Однако канон (шаблон) и общие закономерности эволюции жанра легче описать, исходя из массовой литературы, поэтому определенное внимание уделяется и исторической беллетристике (И.И.Лажечников, М.Н.Загоскин и др.).

Русская историческая повесть 1820-х гг. возникла не на пустом месте, а под влиянием романов В.Скотта. Из довольно многочисленных исторических повестей конца XVIII — начала XIX вв. остановимся на повестях Н.М.Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792) и «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» (1803). Первая из них может быть названа исторической весьма условно, разве лишь потому, что автор сам говорит нам, что переносит нас в допетровские времена и описывает эпоху, когда

русские были русскими, «в собственное платье свое наряжались... говорили своим языком» [1]. Вольное обращение с историей объясняется тем, что в этой повести Карамзин не пытался дать достоверное изображение определенного исторического времени и исторических событий, а хотел изобразить «идеальные человеческие характеры, идеальные отношения» [2], дать своим современникам образный наглядный урок, показать какими они должны быть.

Совершенно иначе написана повесть «Марфа-посадница» [3]. Писатель, готовившийся уже к будущим историческим трудам, гораздо лучше, чем в 1792 г., был осведомлен в русской истории. В повести описаны события 1475 — 1478 гг., когда Иван III покорил Новгород. «Марфу-посадницу» можно назвать первым в русской литературе серьезным опытом исторической беллетристики. Автор и сам определил свое произведение как «историческую повесть». Тем самым он подготовил внимание русской читающей публики к восприятию романов Вальтера Скотта. Н.М.Карамзин и сам был ярким поклонником знаменитого шотландца. В своем творчестве писатель опирается на традиции В.Скотта в изображении национальной истории, а вместе с тем вносит и свои новаторские идеи. В центре внимания Карамзина — принцип воздействия на главного героя его непосредственного окружения и отдаленного прошлого.

В 1820-е гг. характер русских исторических повестей резко меняется. Знакомство с романами Вальтера Скотта сильно влияет на отношение авторов к изображению исторических событий, на само понимание истории как прошедшей реальности, которую надо представить в художественных образах.

Вышедшее в свет в 1829 г. произведение М.Н.Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» [4] стало прямым откликом на читательские запросы и поэтому имело большой успех. М.Загоскин явился создателем первого русского исторического романа. Следуя методу В.Скотта, он стремится раскрыть нравы через жизнь народа. Обращаясь к историческим фактам, писатель часто пользуется

повествованием «от автора», но наряду с этим пытается применять новые приемы слияния «правды и вымысла». Исторические факты он вводит в повседневный быт народа. Однако, усвоив основные художественные приемы шотландского романиста, Загоскин остался далек от свойственного тому глубокого историзма. Если для Скотта роман был средством воспроизведение истории с помощью вымысла, то у Загоскина история служит для обоснования определенных социально-политических идей и прежде всего Православия как основы русского государственного бытия.

В 1831 — 1833 г. частями выходит роман И.И.Лажечникова «Последний Новик» [5], посвященный эпохе Петра Первого. Сюжет его основан на вымышленном событии. Взаимоотношение правды и вымысла трактуется как механическое соединение романтической интриги с историческим материалом, поэтому документальные данные несут вспомогательную нагрузку, искусственно пристраиваются к сюжету, чего не было в творчестве В.Скотта. Для Лажечникова характерно использование примечаний, которые призваны придать вымышленному факту черты подлинности. Указание на определенное место действия, т. е. точная географическая справка, становится одним из оттенков местного колорита. Огромную роль играют у него цитаты. Они подобраны умело, хорошо вливаются в диалог и были бы незаметны, если бы сам автор не стремился обратиться на них внимание, выделяя их курсивом.

Огромную роль в развитии русского исторического жанра сыграл А.С.Пушкин. Его повесть «Капитанская дочка» [6] — одно из наиболее совершенных и глубоких произведений XIX в. В ней сошлись все темы пушкинского творчества 1830-х гг. Место «обычного» человека в великих исторических событиях, свобода выбора в жестоких социальных обстоятельствах, закон и милосердие, «мысль семейная» — все это в повести присутствует и связано с образом главного героя-рассказчика.

Замкнув сюжетную цепь на Гринева (и «перепоручив» роль дворянина-ренегата Швабрину), Пушкин следовал художественному опыту В.Скотта, в чьих романах (особенно из «шотландского» цикла — «Уэверлей», «Роб Рой», «Пуритане») такой тип героя встречается постоянно, равно как и сама ситуация: два лагеря, две правды, одна судьба. Вслед за Гриневым и другие персонажи «Капитанской дочки» приобретают вальтер-скоттовские черты. Образ верного слуги Гринева Савельича восходит к Калебу из романа «Ламмермурская невеста»; эпизод, в котором невеста Гринева Марья Ивановна Миронова добивается у Екатерины II оправдания возлюбленного, повторяет эпизод с Дженни Джине из «Эдинбургской темницы» и т. д.

Жизнь провинциального дворянина Гринева в повести смыкается с потоком российской истории и превращается в великолепный набор случайностей и зеркально повторяющихся эпизодов, которые заставляют вспомнить как о поэтике Вальтера Скотта, так и о законах построения русской волшебной сказки.

Пугачев — новый тип героя русской прозы, вождь антидворянского восстания, литературный «двойник» реального Емельяна Пугачева, изображен-

ного в пушкинской хронике «История пугачевского бунта» (1836). Образ «великого государя» «Капитанской дочки» многогранен: Пугачев то злобен, то великодушен, то хвастлив, то мудр, то отвратителен, то всевластен, то зависим от окружения. Пушкин последовательно соотносит образ народного вождя с образами дворянских генералов, с образами «людей из толпы», даже с образом Екатерины II; но главное сопоставление — все-таки с образом Петруши Гринева, обычного человека, вовлеченного в великие исторические события. Пугачев неотделим от стихии; он вызывает ее к жизни, он ведет ее за собою — и в то же время подчиняется ее безличной власти. Потому впервые на страницах повести он появляется во время страшной метели, как бы рождаясь из самой ее сердцевины. Пушкину настолько важно раз и навсегда связать образ Пугачева с величественно-смертоносной символикой снежного бурана, что он поступает реальной хронологией. Описываемый им буран происходит в самом начале сентября, что не очень правдоподобно, но зато работает на построение образа и сюжета, дает возможность Петруше пожертвовать для Пугачева заячий тулупчик — в благодарность за «путеводство» и просто из человеческого сочувствия к казаку, в холода пропившему свой тулуп. И затем Пугачев неизменно будет появляться в сопровождении зимнего пейзажа.

Другой герой повести Алексей Иванович Швабрин — антагонист Гринева. «Готовый» образ Швабрина не развивается, но последовательно раскрывается в заданном направлении. Во время дуэли, на которую вызывает его Гринева, Швабрин наносит подлый удар шпагой в тот миг, когда противник оглядывается на неожиданный зов слуги. Полная утрата представлений о чести предопределяет и социальную измену Швабрина. Кончает он тем, что, попав в руки правительственных войск, показывает на Гринева как на пугачевца-изменника. Изображать такого «неподвижного» героя (при всей важности его фигуры, оттеняющей и уравновешивающей образ Гринева) неинтересно. Поэтому Пушкин часто прибегает к приему косвенного повествования: сам Швабрин остается за рамками рассказа, а читатель узнает о нем из разговоров других персонажей.

Таким образом, для Пушкина в «Капитанской дочке» правильный путь состоит в том, чтобы подняться над «жестоким веком», сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к жизни других людей.

Движение от романтизма к реализму прослеживается и в творчестве Н.В.Гоголя. Писатель переходит от романтических «Вечеров на хуторе близ Диканьки» к реалистической повести о народном освободительном движении на Украине — «Тарасу Бульбе».

Пушкин начало «Тараса Бульбы» рассматривал в духе Вальтера Скотта, хотя Гоголь начинает свою повесть в более драматичном ключе. В отличие от В.Скотта, который использует в своих романах замедленную экспозицию, он сразу же вводит в действие всех основных персонажей повести.

Главная заслуга Гоголя в том, что он впервые в русском историческом эпосе предметом изображения

сделал народ, народные массы. В повести «Тарас Бульба» «народная масса — это главный герой» [7], а ее судьба — объект изображения писателя. Гоголь впервые создал эпопею о народно-освободительной борьбе с иноземными захватчиками.

Таким образом, именно в творчестве А.С.Пушкина и Н.В.Гоголя жанр исторического повествования достигает наивысшей точки развития и популярности в русской литературе. Однако, к сожалению, после их великих произведений в исторической прозе 40-х годов XIX в. продолжателей сложившейся традиции не оказалось.

1. Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь // Карамзин Н.М. Бедная Лиза. М.: Астрель, 2007. С.28.
2. Муравьев В.Б. Слава столетия: Исторические повести. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Детская литература, 1979. С.304.

3. Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода // Карамзин Н.М. Бедная Лиза. С.86-157.
4. Загоскин М.Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. М.: Худож. лит., 1983. 311 с.
5. Лажечников И.И. Последний Новик. Горький: Волжско-Вятское изд-во, 1990. 448 с.
6. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М.: Мартин, 2006. 160 с.
7. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. М.: Современник, 1979. С.96.

Bibliography (Transliterated)

1. Karamzin N.M. Natal'ja, bojarskaja doch' // Karamzin N.M. Bednaja Liza. M.: Astrel', 2007. S.28.
2. Murav'ev V.B. Slava stoletija: Istoricheskie povesti. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Detskaja literatura, 1979. S.304.
3. Karamzin N.M. Marfa-posadnica, ili Pokorenie Nova-goroda // Karamzin N.M. Bednaja Liza. S.86-157.
4. Zagoskin M.N. Jurijj Miloslavskijj, ili Russkie v 1612 godu. M.: Khudozh. lit., 1983. 311 s.
5. Lazhechnikov I.I. Poslednijj Novik. Gor'kijj: Volzhsko-Vjatskoe izd-vo, 1990. 448 s.
6. Pushkin A.S. Kapitanskaja dochka. M.: Martin, 2006. 160 s.
7. Gogol' N.V. Taras Bul'ba. M.: Sovremennik, 1979. S.96.